

*Моей маме Эмме Клугер,
от которой я впервые узнал о существовании
великого сыщика Шерлока Холмса*

Предисловие

Получив предложение переиздать мою книгу «Баскервильская мистерия», я ни минуты не сомневался: новое издание будет серьезно отличаться от первого.

Первое издание называлось: «Баскервильская мистерия. История классического детектива». Такое уточнение («история классического детектива») вызывало у части читателей ожидание, которого книга не оправдала и оправдать не могла, — ожидание последовательного и объективного рассказа об истории жанра. В действительности я менее всего хотел выглядеть объективным и беспристрастным рассказчиком, в своем отношении к классическому детективу я именно пристрастен и необъективен. И «Баскервильская мистерия» — это именно *эссе*, то есть произведение, в свободной форме выражающее индивидуальное мнение автора по имени Даниэль Клугер об особенностях детектива и о некоторых (далеко не всех!) произведениях этого жанра.

Поэтому в новом издании изменился подзаголовок — не «История классического детектива», а «Этюд в детективных тонах»*.

За тринадцать лет, прошедших с момента первого издания, из печати вышли новые книги, причем не только новые детективы, но и новые книги о детекти-

* Надеюсь, читателям понятна связь этого подзаголовка с приключениями Шерлока Холмса.

вах, не учитывать которые я просто не мог, — в первую очередь исследования Н. Вольского «Легкое чтение»^{*} и П. Моисеева «Поэтика детектива»^{**}.

Кроме того, я счел вполне резонным упрек иных критиков в том, что в книге отсутствует рассказ о советских детективах. Здесь же поясню причину того, что в книге нет рассказа о таких, безусловно, достойных внимания детективах, как романы Леонида Юзефовича, Бориса Акунина и некоторых других авторов. Тут причина в хронологических границах, которые я сам себе установил: детективы на русском языке я рассматривал только в рамках советской литературы, то есть до 1987 года включительно^{***}.

В заключение хочу поблагодарить моего старого друга, превосходного писателя и замечательного редактора Виталия Бабенко: без его внимательного и высокопрофессионального отношения к этой книге у меня просто ничего не получилось бы.

Итак, позвольте представить: «Баскервильская мистерия. Этюд в детективных тонах».

*Даниэль Клугер
Реховот, 2018*

^{*} Н.Н. Вольский. Легкое чтение. Работы по теории и истории детективного жанра. — Новосибирск: Издательство НГПУ, 2006.

^{**} Петр Моисеев. Поэтика детектива. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017.

^{***} И вновь — чисто субъективное мнение: на мой взгляд, советская массовая литература завершилась чуть раньше формального конца Советского Союза — не в 1991 году, а в 1986–1987 годах.

**Вступление:
Лондон, Бейкер-стрит, 221 б**

О том, что в Лондоне по адресу, указанному в заголовке, находится музей Шерлока Холмса, знают не только любители детектива и поклонники Великого Сыщика. Вот что говорится об этом учреждении на сайте одной из русских туристических компаний*:

«Дом Шерлока Холмса был построен в 1815 году. Британское правительство заявило, что здание является архитектурным и историческим памятником 2-го разряда. С 1860 до 1934 года дом был частным владением, и в нем располагался пансион, пока здание не было приобретено Международным обществом имени Шерлока Холмса.

Когда 27 марта 1990 года был открыт Музей имени Шерлока Холмса, невольно возникла мысль, что это событие должно было случиться как минимум несколькими десятилетиями раньше. В конце концов, Бейкер-стрит, 221 [на сайте — не 221 б, а 221. — Д.К.] — самый известный в мире адрес, связанный с именем величайшего детектива**.

* См.: Б/а. Дом Шерлока Холмса / Туристическая компания «Евро-резидент тревел и консалтинг» /

** Думаю, А. Конан Дойл поселил своего героя на Бейкер-стрит отнюдь не случайно. С 1835 по 1884 год на этой улице находился знаменитый Музей восковых фигур мадам Тюссо. Именно в музее

В прошлом столетии люди писали письма Шерлоку Холмсу и его другу доктору Ватсону, но сейчас появилась возможность посмотреть, где и как они жили в Викторианскую эпоху. На первом этаже находится знаменитый кабинет, выходящий на Бейкер-стрит. Здесь Холмс и Ватсон проработали вместе почти 25 лет.

<...>

Шерлок Холмс и доктор Ватсон жили на Бейкер-стрит, 221 б приблизительно с 1881 до 1904 года. Квартира располагалась на втором этаже, в пансионе. Хозяйкой пансиона была миссис Хадсон. Семнадцать ступенек ведут с первого этажа до кабинета на втором, где вместе работали Холмс и Ватсон.

<...>

В комнате доктора Ватсона можно ознакомиться с литературой, картинами, фотографиями и газетами того времени, а посередине комнаты миссис Хадсон находится бронзовый бюст Холмса. В этой комнате также можно увидеть часть корреспонденции мистера Холмса, а также письма, которые приходили на его имя...»

Более всего меня в свое время заинтересовали эти самые письма — согласитесь, факт переписки миллионов читателей не с автором, но с литературным героем уникален.

Как, впрочем, уникален и сам музей. Кажется, нет более в мире ни одного литературного героя, вокруг которого сложилась ситуация подобного рода. Существуют, разумеется, музеи писателей, есть памятники литературным персонажам (д'Артаньяну, например, или комиссару Мегрэ). Есть литературные игры, продлевающие книжную жизнь полюбившихся персонажей, — романы-продолжения, повествующие о приключениях

на Бейкер-стрит мадам Тюссо впервые открыла «кабинет ужаса» — музейный зал, посвященный преступникам и преступлениям.

героев того же Толкина (разумеется, и Шерлока Холмса), есть окололитературные игры «толкинистов» и так далее. Но вот музея литературного персонажа, а тем более переписки с ним — нет, этого нет и не было.

Не я первый обратил внимание и не я первый задался вопросом о природе явления. В книге «Анатомия детектива» венгерский литературовед Тибор Кестхей пишет: «...Шерлока Холмса — и это, пожалуй, небывалый в истории случай — почитают и уважают как реальное лицо. Отличный лексикон цитат “Оксфорд Дикшенери ов Квоутейшн” отвел половину колонки для публикации его изречений. Популярному герою Конана Дойла в 1975 году присвоили звание почетного доктора Колорадского государственного университета. В Лондоне (имеется в виду упомянутый выше Музей Шерлока Холмса. — *Д.К.*) содержат специально оплачиваемого секретаря, который отвечает на адресованные Холмсу письма (один наивный нью-йоркский полисмен однажды обратился к нему за профессиональным советом)...»*

Кестхей вторит И. Шабловская в предисловии к сборнику детективных рассказов Артура Конана Дойла: «Популярный литературный персонаж стал объектом научных исследований — ему посвящены трактаты и монографии, где прокомментирован едва ли не каждый его шаг, о нем созданы фильмы, написаны мюзиклы, открыты его музеи... Удивительный феномен искусства — придуманная писателем жизнь стала реальнее подлинной! Артур Конан Дойл добился полной иллюзии прямого общения героя с читателем, заменив себя, автора, доктором Уотсоном, искренним другом и летописцем Холмса, подробно записавшим многие его дела. Не без помощи Уотсона Шерлок Холмс выиграл и про-

* Тибор Кестхей. *Анатомия детектива*. Перевод с венгерского Елены Тумаркиной. — Будапешт: Корвина, 1989.

должает выигрывать поединок с быстротекущим временем»*.

Более всего в рассуждениях, подобных приведенным выше, умиляет ирония по поводу простаков-читателей, вроде того американского полицейского, который отправил письмо Шерлоку Холмсу с просьбой помочь ему в расследовании. Честно говоря, в такую наивность я не верю. Нужно быть не просто наивным, но человеком с явно патологической психикой, чтобы настолько уверовать в реальность литературного персонажа (к тому же жившего веком ранее) и обращаться к нему всерьез с вопросами профессионального характера. На ум почему-то приходит факт из жизни Альберта Эйнштейна, которому одна школьница отправила письмо со словами: «Пишу для того, чтобы убедиться, существуете ли Вы на самом деле...»

Французский литературовед и психоаналитик Пьер Байяр в книге «Дело собаки Баскервилей»**, ссылаясь на мнение нескольких филологов, замечает, что Холмс хотя и вымышленная фигура, но в какой-то мере он реален — в том числе, благодаря всемирной известности.

Пытаясь объяснить причину уникальности события — действительно единственного в истории мировой литературы, — в первую очередь говорят о литературном таланте Артура Конана Дойла и удивительной достоверности созданного им персонажа. Иными словами, Шерлок Холмс *бессмертен*, потому что Артур Конан Дойл талантливо его *описал*.

Но разве Великий Сыщик — единственный персонаж, выписанный с такой выразительностью? Разве безусловный талант Артура Конана Дойла не име-

* И.В. Шабловская. Конан Дойл и Шерлок Холмс / Артур Конан Дойл. Записки о Шерлоке Холмсе. — Минск: Народная асвета, 1984.

** См.: Пьер Байяр. Дело собаки Баскервилей. Перевод Алины Поповой. — М.: Текст, 2017.

ет равных в мировой литературе? Разве, например, Наташа Ростова выписана Львом Толстым с меньшей достоверностью? Или характер стивенсоновского Джона Сильвера менее ярк? Почему же удивительные вещи происходят именно с Холмсом и с домом на Бейкер-стрит?

В предисловии к русскому изданию «Записок о Шерлоке Холмсе» Корней Чуковский пытается объяснить этот феномен следующим образом:

«Дети любят его не только за то, что он самоотвержен и храбр, — в мировой литературе есть немало героев, которые столь же бесстрашны. Главное, что привлекает читателей к этому искоренителю преступлений и зол, — замечательная сила его мысли.

В то давнее время, когда впервые появились рассказы о Холмсе, у детей всего мира было немало любимых литературных героев, но, кажется, никто из этих героев не отличался (по воле автора!) такой сокрушительной логикой, таким пронизательным и победоносным умом.

Недаром к Шерлоку Холмсу со всего света стекаются люди, ошеломленные каким-нибудь загадочным, необычным событием, которое они не в силах понять. Они уверены, что Шерлок Холмс обладает почти чудодейственной мыслительной силой, что при помощи своей могучей аналитической мысли он разъяснит и распутает все, что заурядным умам представляется безнадежно запутанным.

Шерлок Холмс — чуть ли не единственный из персонажей детской мировой литературы, главное занятие которого — мышление, логика»*.

Тут, как мне кажется, есть две серьезные ошибки: во-первых, рассказы о Шерлоке Холмсе — вовсе не *дет-*

* Корней Чуковский. О Шерлоке Холмсе / А. Конан Дойл. Записки о Шерлоке Холмсе. — М.: Колос, 1981.

ская литература, а во-вторых, он отнюдь не единственный литературный герой, чьим главным занятием является интеллектуальная деятельность (профессор Челленджер у того же Конана Дойла, все герои раннего Уэллса и т.д.).

Отнюдь не одно лишь литературное мастерство Конана Дойла (действительно замечательного писателя) и не род занятий Шерлока Холмса превратили последнего в культовую фигуру, объект почти религиозного поклонения. Хочу обратить внимание на то, что игры, связанные с литературой (и кинематографом — тот же «Звездный путь», например), действительно происходят достаточно регулярно и захватывают десятки тысяч участников во всем мире. Но все эти явления имеют принципиально иной характер, нежели «игра в Шерлока Холмса». Например, поклонники творчества Толкина играют в мир, им придуманный, *преображаясь* в эльфов, гоблинов и прочих существ, описанных писателем. Подростки берут в руки шпаги и перевоплощаются в д'Артаньяна и Атоса.

Участники же «игры в Холмса» и в мыслях не имеют вообразить себя Великим Сыщиком. Нет, они чувствуют себя именно его поклонниками, его адептами, его верными рыцарями — и клиентами, если хотите (см. выше о письме нью-йоркского полицейского). Его дом становится храмом, сам он — оракулом. Поклонники героя сэра Артура Конана Дойла играют в *присутствие Шерлока Холмса*, в его *бессмертие* — истинное, а не культурное.

Михаил Тименчик в предисловии к биографии Конана Дойла, написанной Джоном Д. Карром, замечает: «...его (Шерлока Холмса. — Д.К.) фигура столь мифогенна и, если можно так выразиться, “мифогенична”, что, порождая бесчисленные стереотипные сюжеты и обрастая подробностями, она ширится, достигает ги-

гантских размеров и накрывает мощной тенью, “орлиным профилем” своего создателя”^{*}.

Если мы внимательно присмотримся к ситуации, то обнаружим, что все, происходящее с Шерлоком Холмсом после смерти Конана Дойла (хотя начало было положено еще при жизни писателя), несет явную окраску квазирелигиозного культа. И неслучайно я использовал несколько выше слова «культовая фигура», «религиозное поклонение». Разумеется, «квази» — не настоящего, это игра в некую религию, игра в храм-оракул сродни древнегреческому дельфийскому. Словом, произведения о Великом Сыщике и его собственный образ явно восходят к мифу.

И коль скоро это так, значит, в самих произведениях должны присутствовать черты, способствующие возникновению такой игры. Но, тщательно рассмотрев творчество одного лишь Артура Конана Дойла, легко убедиться в том, что такой потенциал присутствует только в *рассказах о Шерлоке Холмсе*. Несмотря на столь же (а в чем-то и более) талантливые романы о профессоре Челленджере, искрящиеся остроумием новеллы о подвигах бригадира Жерара, нет в них чего-то, позволяющего свершиться преображению, подобному преображению Холмса.

Логично будет предположить, что указанные черты связаны не только с талантом конкретного писателя, но и с жанром как таковым — с жанром классического детектива. Вот из такого предположения, из желания проанализировать жанр под таким углом, попытаться рассмотреть его особенности и родилась, в конце концов, книга, которую я предлагаю вашему вниманию. Многие авторы (Кестхейи, Честертон, Симонс и

^{*} М. Тименчик. Опыт параллельных жизнеописаний / Джон. Д. Карр, Х. Пирсон. Артур Конан Дойл. Серия «Писатели о писателях». — М.: Книга, 1989.

др.) пишут о родстве детектива со сказкой, называют классический детектив современной городской сказкой. Венгерский писатель (и не он один), констатируя факт родства детектива и сказки (факт бесспорный), ограничивается этим для того, чтобы объяснить ложность подхода к этому жанру с мерками психологической, социальной и тому подобной литературы. Действительно, ну какие психологические тонкости можно усмотреть в Иване-царевиче? Каким может быть анализ сложной мятущейся души Кощея Бессмертного? Но еще интереснее то, что ведь и сказка, волшебная сказка, имеет собственный генезис, и как раз особенности этого генезиса и обусловили основные черты детективного жанра, породившие явление, о котором я писал вначале. Действие волшебной сказки, как показывает, например, В. Пропп, имитирует путешествие в загробный мир или, во всяком случае, — в Иной мир. О том же писал и Зезв Бар-Селла, блестяще проанализировавший к тому же особые функции магических предметов, играющих столь важную роль в сказке (и детективе!). Действие же «современной городской сказки», то есть классического детективного произведения, разворачивается в *преддверье* Иного мира, в декорациях вполне обыденных, но из-за опасной близости к границе с Ирреальным — освещенных мертвенными огнями оттуда и окутанных дымкой, пришедшей из inferнальных областей...

Впрочем, тут я хочу остановиться, потому что предисловие не должно превращаться в краткий пересказ содержания самой книги. Замечу, правда, что детектив — сказка, да не совсем. Обладая почти всеми свойствами последней, детективное произведение в некоторых, весьма важных моментах, отличается от нее. И хотя для анализа основных структур и образов детектива первоначально удобно рассматривать его как волшебную сказку, в конечном итоге мы придем и к тому,

что принципиально отличает два действительно родственных жанра друг от друга.

Надеюсь, что достаточно заинтересовал вас, и вы прочтете «Баскервильскую мистерию» с тем же удовольствием, с каким я ее писал.

Обращаю ваше внимание на то, что, конечно, не ко всем разновидностям детективной литературы применимы выводы, к которым автор пришел в результате. Речь идет почти исключительно о том поджанре, который называется «классический детектив». В некоторых случаях — о своеобразных гибридах: историческом и научно-фантастическом детективах, полицейском и шпионском. За рамками остались некоторые виды (или подвиды) детективов (политический, юмористический и пр.), бесспорно заслуживающие отдельного добросовестного исследования, а также собственно история детектива и биографии самых известных писателей, работавших в этом жанре. Кроме того, в силу задач, которые автор ставил перед собой, в «Баскервильской мистерии» не анализируются классификация сюжетов и их особенности — кроме отдельных случаев.

В заключение хочу поблагодарить д-ра Илану Гомель, Майю Каганскую, Павла Амнуэля, Аркадия Бурштейна, Зеэва Бар-Селлу, Леонида Словина, Алекса Аусвакса, чьи советы и неизменно благожелательный интерес помогли мне закончить эту работу и представить ее на суд читателей.